

Р. П. Попова (Сыктывкар)

Алломорфное варьирование показателя множественного числа существительных в коми-пермяцком литературном языке и диалектах

Морфологическая категория числа существительных – это словоизменяемая категория, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов форм – единственного и множественного. В коми-пермяцком литературном языке имена существительные в единственном числе не имеют специального показателя. Основным показателем множественного числа существительных в литературном языке является суффикс *-эз* (< *-йэз*). Однако в настоящее время в литературном коми-пермяцком языке и диалектах суффикс множественного числа может выступать в разных вариантах. Целью данной статьи является рассмотрение условий функционирования и распространения вариантов суффикса множественного числа существительных в коми-пермяцком литературном языке и диалектах.

1. В настоящее время показатель множественного числа в коми-пермяцких диалектах может выступать в следующих алломорфах:

1) *-йэз*, *-^hэз*, *-йэс*, *-йэ*

2) *-эз*, *-э³*, *-эс*, *-э*

3) *-йас*

1. Вариант суффикса множественного числа *-йэз* функционирует в косинско-камском, мысовско-лупьинском диалектах северного наречия и спорадически в оньковском диалекте южного наречия. Несомненно, вариант *-йэз* представляет собой более древнюю форму множественного числа [Лыткин 1931: 108; Майгинская 1979: 83; Серебренников 1963: 86], впоследствии трансформировавшуюся в результате воздействия интра- и экстралингвистических факторов.

Наиболее прочные позиции суффикс *-йэз* имеет в окраинном мысовско-лупьинском диалекте, сохранившем больше архаичных форм в силу географической отдаленности и определенной обособленности от других коми-пермяцких диалектов. В названном диалекте алломорф *-йэз* может присоединяться к основам, оканчивающимся на гласный, на велярный и палатальный согласный, например: м-луп. *кэркуйэз* 'дома', *бот'инкийэз* 'ботинки', *дозмэрийэз* 'глухари', *горйэз* 'печи', *чуманийэз* 'берестяные лукошки', *пин'йэз* 'зубы', *чун'йэзэй* 'мои пальцы' [Пономарева 2002: 87–88]. В пуксибском, чураковском и левичанском говорах косинско-камского диалекта вариант *-йэз* встречается в словах с основой на велярный согласный, как правило, не участвующий в корреляции по твердости/мягкости, и, в немногочисленных примерах, в словах с финальными гласными [и][у] основы, например, *пыжйэз* 'лодки', *öрийэзас* 'в корыгах', *ичитийэзэс кыкнансö вийисö* 'обоих деверей убили', *с'уйэз* 'зерно', *муйэз* 'земли' [Дмитриева 1998: 71]. В оньковском диалекте, так же расположенном изолированно от других диалектов, в редких

примерах наблюдается присоединение *-йэз* к основам с конечным велярным согласным: *номйэз* 'комары', *шырйэз* 'мышь', *кымөрйэз* 'облака' [Баталова 1975: 125]. Во всех остальных диалектах коми-пермяцкого языка в позиции после гласного начальный [й] суффикса *-йэз* подвергается выпадению.

1.1. В мысовско-лупьинском диалекте в позиции после основ на гласный имеет место вариант суффикса множественного числа *-^аэз* с ослабленным согласным [й]: *кэркү^аэз* 'дома', *часы^аэз* 'часы', *с'ола^аэз* 'рябчики' [Пономарева 2002: 88]. Данные примеры являются подтверждением поэтапного выпадения согласного [й] из состава суффикса множественного числа *-йэз* в интервокальной позиции, через его первоначальное ослабление, и, в дальнейшем, – полное выпадение. По утверждению Л. Г. Пономаревой, примеров с ослабленным вариантом *-^аэз < йэз* в других коми-пермяцких диалектах не зафиксировано [Пономарева 2002: 70]. Действительно, в современных диалектах коми-пермяцкого языка данное явление не зафиксировано, и, на наш взгляд, по понятным причинам, процесс выпадения [й] в интервокальном положении в них завершен. Однако, можно предположить, что процесс поэтапного выпадения [й] через промежуточное ослабление охватывал все диалекты. Подтверждением тому могут служить тексты, записанные Т. Е. Уотилой, где зафиксировано большое количество примеров с ослабленным [й] суффикса множественного числа, как в южном (кудымкарско-иньвенском), так и в северном (косинско-камском) диалектах, например: к-кам.: *A eta in'ka bogatēi martiškole ete baš'n'žezle viš'talas. Nīle pantaš'emēš' špand'ez idžid purttezēn. Zonkaislēn rēdn'd'ez dod'd'alēnī vēllez*; к-иньв. *Paš'ekain karaul'tis storoz mošt's'urkd'ez vēr šērīn i už'is ētnas. Nivkd'ez ti, nivkd'ez, kūt's'ē – ja ti munate* (Uotila – Kokkonen 1995: 20, 124, 278, 282).

1.2. Алломорф *-йэс* встречается в оньковском, мысовско-лупьинском и косинско-камском диалектах. На наш взгляд, он представляет собой оглушенный вариант суффикса *-йэз*: явление регрессивной ассимиляции по глухости внутри слова на стыке корня и суффикса или двух суффиксов и на стыке слов в потоке речи характерно для вышеназванных диалектов. Подтверждением этому может служить то, что чаще всего данный вариант функционирует в аудите перед глухим анлаутным согласным или гласным последующего слова и в инлауте, перед суффиксом, начинающимся с глухого согласного, например: м-луп. *очотйэс-тө* 'отчеты-то', *вөййэс-тө* 'лошадей-то', *чэрин'ан'йэс-сө* 'рыбные пироги-то' [Пономарева 2002: 72]; к-кам. *н'урйэс ылын* 'болота далеко', *горйэс тэчоны* 'кладут печи', *жырийэс кыка* 'две комнаты' [Дмитриева 1998: 5]; оньк. *номйэс* 'комары', *кымөрйэс* 'облака', *шырйэс* 'мышь' [Баталова 1990: 50]. В остальных диалектах коми-пермяцкого языка суффикс *-йэс* не зафиксирован.

1.3. Вариант суффикса множественного числа *-йэ* образовался путем выпадения конечного согласного [з] суффикса *-йэз*. Функционирование данного варианта наблюдается в мысовско-лупьинском диалекте и в отдельных говорах косинско-камского диалекта: м-луп. *нукйэ-т* 'твои внуки', *йэнийэ-сө* 'иконы-то', *мамйэ-т* 'матери-то', *бэдн'акйэ-с* 'бедняки-то', *улейэ-тө* 'ветки' [Пономарева 2002: 70]; к-кам. *сукарийэ-тө* 'сахари-то', *тыжйэ-сө кол'им* 'лодки оставили', *грдшйэ-сө с'эт'исө* 'отдали гроши' [Дмитриева 1998: 57]. Функциони-

рование данного алломорфа в мысовско-лупыньском и косинско-камском диалектах позиционно обусловлено. Алломорф *-йэ* употребляется в словах с основой на велярный согласный перед притяжательно-указательными формантами 2-го и 3-го лица единственного числа *-с < -ыс, -т < -ыт* и показателями аккузатива *-тö, -сö*. Вероятно, первоначальным условием выпадения согласного [з] из *-йэз* являлась все же интервокальная позиция, перед суффиксом с начальным гласным. Аналогичное явление выпадения [з] из суффикса множественного числа имеет место в говорах как южных, так и северных диалектов коми-пермяцкого языка, например: к-иньв. *воггэс* (< *воггэзыс*) 'в логах', *пэл'поннэö* (< *пэл'поннэзö*) 'мои плечи'; коч. *эна годдэö* (< *годдэзö*) 'в эти годы', *вöллэön* (< *вöллэзön*) 'лошадьми' [Баталова 1982: 88]. Данное явление встречается так же в коми-язьвинском наречии: *өжйöдит* 'твои овцы', *вунйöвис* 'его братья' [Льткин 1961: 47–48]. Весьма интересный материал с функционированием алломорфа *-йэ* представлен в текстах Т. Уотилы, например: к-кам. *petase, vid'zëitëni, jai tir ëšale tušajëjn. Saldat këmalas sapogijez i puktas šapka juras i jenën sapogijëjn šagn'alë verstaën i kïkën. I aš'nis orsëni kartijëjn* (Uotila-Kokkonen 1985: 16, 18). Как следует из примеров, выпадение [з] из состава суффикса множественного числа *-йэз* происходило в интервокальной позиции. Вслед за этим для устранения зияния гласных появляется вставочный согласный [й]. Однако интервокальная позиция для согласного [й] в диалектах коми-пермяцкого языка является слабой, вследствие чего он в дальнейшем выпадает.

Наличие варианта *-йэ* в современном мысовско-лупыньском диалекте и отдельных говорах косинско-камского диалекта дает возможность говорить о том, что видоизменение (или трансформация) суффикса множественного числа в коми-пермяцких диалектах происходило непоследовательно. Мы полностью согласны с утверждением Р. М. Баталовой о неравномерности развития одного и того же явления на довольно обширной территории [Баталова 1981: 87]. Однако сложнее согласиться с утверждением о поэтапной трансформации суффикса множественного числа. Поэтапная трансформация суффикса *-йэз* больше характерна для диалектов южного наречия. В диалектах северного наречия, в частности, мысовско-лупыньском и косинско-камском, можно предположить о почти одновременном возникновении процесса выпадения интервокальных [й] и [з] из состава суффикса *-йэз*, о чем свидетельствуют вышеназванные примеры.

2. Суффикс *-эз*, как показатель множественного числа существительных функционирует во всех диалектах коми-пермяцкого языка. Суффикс *-эз < -йэз* возник в результате ассимиляции [й] предшествующими палатальными, а впоследствии и велярными согласными, и также выпадении в интервокальной позиции. Данный суффикс в отдельных диалектах коми-пермяцкого языка имеет позиционные ограничения. Наиболее сильные позиции вариант *-эз* имеет в южных диалектах. В нердвинском диалекте он функционирует в ауслауте и в инлауте перед лично-притяжательными и падежными суффиксами, например: нерд. *нал'чиммэз мэшöккэзön вавсö* 'налимов мешками приносили', *татын колхозээз* 'здесь колхозы', *пэс'с'а козаэзнам* 'мучаюсь со своими козами', *вöллэзön вэтлим до станции* 'на лошадях ездили до станции' [Бата-

лова 1975: 125]. В вышеназванных позициях -эз встречается также в большинстве говоров кудымкарско-иньвенского, нижнеиньвенского и оньковского диалектов, например: к-иньв. *коккэз подны* 'ноги боятся', *рэбинну шат'т'эз* 'рябиновые ветви'; оньк. *kiežin* 'в руках', *vo'tez* 'капли', *s'o'jannez* 'еда' [Баталова 1975: 127, 1990: 69]. В оньковском диалекте наблюдается явление удвоения суффикса множественного числа -эз, как правило, в односложных словах: *ыбзээзэс* 'на полях', *с'инээзээн ог аддзы* 'глазами не вижу', *к'инээзэзлис'* 'у кого' [Баталова 1975: 126]. В северных диалектах коми-пермяцкого языка вариант -эз имеет сильные позиции в большей степени в ауслaute, сравните: коч. *тишаккэз бөрйим* 'грибы перебрали', *л'өмпүэз быдмисö* 'кусты черемухи выросли' [Лобанова 1993: 71]; к-кам. *пукаланнэз вöлисö* 'посиделки были', *виддзээз ытшикимö* 'луга скосили', *с'иннэз умöл'бсь лоисö* 'глаза плохими стали' [Дмитриева 1998: 72]; м-луп. *порс'с'эз* 'свиньи', *пэл'л'эз* 'уши' [Пономарева 2002б: 11]. В инлауте перед possessивными и падежными суффиксами вариант -эз в отдельных говорах, таких как юкеевский, нижнекосинский, левичанский, может сохраняться, в других происходит выпадение [з] из состава -эз.

2.1. Функционирование алломорфа -э^з ограничено большекочинским говором кочевского диалекта: *¹б-коч. *шуммээз'* *кылöны* 'шумы слышны', *тarrээз'* *вайавли* 'иногда тетеревов приносил', *ракаээз'* *карзöны* 'вороны каркают' [Лобанова 1993: 72]. Употребление данного алломорфа ограничено ауслaутом. По мнению А. С. Лобановой, ослабление [з] в позиции конца слова происходило в первую очередь в сочетаниях с послелогоми по причине уменьшения паузы между именами существительными и послелогоми [Лобанова 1993: 73].

Можно предположить, что ослабленный ауслaутный э^з, зафиксированный в большекочинском говоре, является вторичным. Первичным этапом ослабления и последующего выпадения [з] из суффикса -эз была инлаутная интервокальная позиция. После постепенной утраты в названной позиции звуком [з] в составе множественного числа смыслоразличительной роли, ослабление и выпадение его начало происходить и в ауслaуте.

2.2. В большинстве говоров как южных, так и северных диалектов суффикс множественного числа, наряду с формантом -эз, может выступать в форме -эс, например: к-кам. *мэжа-эс турынадс'* 'межи богаты травой', *чэл'ад'д'-эс-кöt* *ог ол* 'с детьми не живу', *вэтли морда-эс видзöтны* 'ходил проверять сети' [Дмитриева 1998: 73]; коч. *öшыинн-эс* 'окна'; к-иньв. *таг-эс уна* 'хмеля много', *йивв-эс орваöмас'* 'верхушки срезаны' [Баталова 1975: 126]. Суффикс -эс может функционировать как в инлауте, так и ауслaуте.

Относительно данного суффикса высказываются следующие предположения. Во-первых, суффикс -эс мог образоваться в результате регрессивной ассимиляции, в частности, в результате оглушения финального [з]. Подтверждением этому может служить наличие оглушенного алломорфа -йэс в северных диалектах. Во-вторых, суффикс -эс может сочетать в себе значение множественности и притяжательности, образовавшись в результате слияния суффиксов -эз и -ыс. Можно выявить поэтапное становление рассматриваем-

¹ В работе А. С. Лобановой ослабленный вариант звука [з] обозначается знаком ['].

мого суффикса: *йээн-эс* < *йээн-э-ыс* < *йээн-эз-ыс*. Выпадение [з] в интервокальной позиции привело к стечению гласных, а далее, для устранения зияния, к их стяжению. Спорадически в говорах встречаются промежуточные формы: к-кам. *т'и-э-ыс-дбс кынмасб* 'его руки замерзнут', *тбдис'с'-э-ыс вблiscб жб* 'знахари тоже были', *колхозз-э-ыс лбисб* 'колхозы появились' [Дмитриева 1998: 73]. На наш взгляд, оба предположения верны, и в диалектах функционирует как оглушенный вариант *-эс*, так и модифицированный *-эс*, сочетающий в себе множественность и определенность. Функционирование того или иного варианта необходимо рассматривать отдельно в каждом конкретном случае, учитывая определенность, конкретность или же неопределенность объекта или субъекта действия.

2.3. Вариант множественного числа *-э* функционирует в кудымкарско-иньвенском диалекте южного наречия, кочевском и косинско-камском диалектах северного наречия. Показатель *-э* является завершающим в процессе трансформации суффикса множественного числа *-йэз* > *-эз* > *-э* (с промежуточными вариантами). Вариант *-э* как показатель множественности выступает в следующих позициях: а) перед посессивными суффиксами: к-кам. *пэл'л'-э-нам ог кыл* 'плохо слышу (ушами)', *мбсс-э-ыс тшыгбс' талун* 'их коровы сегодня не кормлены', *кынбм-э-ныс потлас'бны ни* 'животы их скоро лопнут' [Дмитриева 1998: 73]; коч. *кукан'н'-э-ыс* 'его телята', *нылл-э-б* 'мои дочери'; к-иньв. *кытшбмбс' пэл'понн-э-б* 'какие мои плечи', *годд-э-б* 'мои годы' [Баталова 1982: 86]; б) перед падежными суффиксами: к-кам. *бокк-э-ат видзбтлы* 'смотри по сторонам', *клубб-э-бт бд'д'бнсб эг вэтлбт* 'в клуб часто не ходила', *ты-э-ын чэри йэтша* 'в озерах рыбы мало' [Дмитриева 1998: 73]; коч. *кэрку-э-ын* 'в домах', *лысс-э-ис'* 'из хвоинок', *вбрр-э-ас* 'в лесах' [Лобанова 1993: 70]; к-иньв. *бокк-э-ас* 'по бокам', *сакк-э-бн* 'сачками', *уна годд-э-б* 'в течение многих лет' [Баталова 1982: 86]; в) в позиции абсолютного конца слова функционирует в большинстве говоров кочевского диалекта и переходных говорах косинско-камского диалекта: к-кам. *зонка-э пэс вайбны*, *нылка-э н'ан' чблпан* 'парни несут дрова, девушки каравай хлеба', *чэл'ад'д'-э кол'ччасб посн'итбс'* 'дети остались маленькими', *кокк-э оз н'и ноллбтб* 'ноги уже не носят меня' [Дмитриева 1998: 73–74]; коч. *кэрку-э бурбс'* 'дома хорошие', *лос'с'-э с'брын* 'за лосями', *пызанн-э сайын* 'за столами', *пызанн-э пб йбктбны* 'столы, говорят, пляшут' [Лобанова 1993: 70–71]. Из вышесказанного следует, что в диалектах коми-пермяцкого языка ввиду постепенной утраты звуком [з] в суффиксе множественного числа *-эз* (< *-йэз*) своей смысло-различительной роли, основным носителем значения множественности является формант *-э*.

3. Суффикс множественного числа *-йас*, наряду с суффиксом *-йэс*, зафиксирован Р. М. Баталовой в мысовском говоре северного наречия: мыс. *Суставйас вис'бны* 'суставы болят' [Баталова 1975: 54–56]. К сожалению, на данный суффикс автором приведен лишь единичный пример, что осложняет рассмотрение условий его функционирования. Однако, можно предположить, что ареал распространения суффикса *-йас* был шире и охватывал территорию мысовского говора, по языковым показателям и территориально близкого к диалектам коми-зырянского языка. Наличие данного суффикса в мысовском го-

воре в настоящее время требует выяснения. В диссертационной работе Л. Г. Пономаревой, посвященной исследованию мысовско-лупьинского диалекта, названный суффикс не упоминается.

II. В коми-пермяцком литературном языке суффикс множественного числа также может выступать в нескольких вариантах: *-эз* (орфогр. *-ез*), *-сэз*; *-эс*, *-э*. В учебнике "Коми-пермяцкий язык" для высших учебных заведений отмечается, что множественное число выражается двумя формами: 1) суффиксом *-эз* в тех существительных, основа которых оканчивается на гласный, например: *ки-эз*; 2) суффиксом согласный + *эз* в существительных, основа которых оканчивается на согласный, например: *кок-кез* (КПЯ, 181). Действительно, основным показателем мн. числа существительных является суффикс *-эз*, который встречается в инлауте и ауслауте, например: *Быд огородечын да ёшын увтын быдмёны вёснит кока рябинаоккез, пашмём льёмпуэз, вёськыт кыдозккес да сэтёр кусттэз* 'В каждом огороде и под каждым окном растут тонконогие рябины, кудрявые черемухи, стройные березки да кусты смородины' (Баталов 1990: 134); *Мужиккес талун буржыка вердённы ассиньыс вёввезнысё, чапкёны воротаэз дынись льым, вёсётёны горт гёгёрсиньыс туёккес* 'Сегодня мужики лучше прежнего кормят своих лошадей, разбрасывают снег от ворот, чистят дорожки вокруг дома' (Шадрин 1992: 77); *Ойбыт укйис бёбмём тёв, уннылис, горзис, сьылис да чаткасис пашмём голизён, кёдна гер ёшалисё пёрись кёз вылын* 'Всю ночь ревел безумный ветер: выл, плакал, пел и бросался шишками, висящими на старой ели' (Климов 1992: 161).

Наряду с суффиксом *-эз*, в литературном языке функционирует вариант *-эс*, который как уже было сказано выше, может являться оглушенным вариантом суффикса *-эз*, или же модифицированным вариантом, сочетающим в себе множественность и определенность (*эс < эыс < эзыс*). Вариант *-эс* употребляется как в инлауте, так и ауслауте, например: *Асьныт эд тёдат, кыдз вёралиссес да черялиссес любитёны ошшасьны* 'Сами ведь знаете, как охотники и рыбаки любят хвастаться' (Баталов 1990: 136); *Ыббес вылёт, чорзём туйыс кузя, ковсис оськавны быдса час сьёрна* 'По полям, по окаменевшей дороге пришлось шагать целый час' (Фадеев 1998: 125); *Но песокыс сьёрё пожыс пыр сйя эз мун, а ётлаын сей комоккескёт да галькаэскёт кольччис пож вылас* 'Но вместе с песком сквозь сито он не проходил, а с глиняными комками да гальками оставался на сите' (Фадеев 1998: 132).

Установить закономерности употребления суффиксов *-эз* и *-эс* в современном литературном коми-пермяцком языке весьма сложно. Н. Рогов в работе "Опыт грамматики пермяцкого языка" указывает на наличие двух вариантов суффикса множественного числа *-jes*, *-jez* [Рогов 1869: 18]. Автор не указывает на условия функционирования данных вариантов, однако при рассмотрении парадигмы основного и определенно-притяжательного склонения, выявляется четкая закономерность употребления названных суффиксов. В ауслауте номинативной формы и в инлауте перед суффиксами, начинающимися с согласного функционирует суффикс *-jes*. В инлауте перед суффиксами, начинающимися с гласного — *-jez*. В современном литературном языке из установленной закономерности осталась лишь инлаутная позиция суффикса *-эз* перед суффиксом, начинающемся с гласного, например: *Иньва ыждис да*

чуть только эз пет береггезись 'Иньва разлилась и чуть только не вышла из берегов' (Баталов 1990: 145); *Сираяг деревняын ӧдззисӧ базанитны петуккез, готсыны курӧггез, и паськыт мир ловзис, тырис быдкодь шызӧн* 'В деревне Сираяг начали горланить петухи, кудахтать куры, и мир ожил, наполнился разными звуками' (Минин 1997: 106).

Вариант -э как показатель мн. числа функционирует в коми-пермяцком литературном языке в определенных условиях: а) перед определенно-притяжательным суффиксом 2 л. ед.ч. *т < ыт*, например: *Дугды съӧдкайт понда горзыны* 'Перестань плакать из-за своих скворцов' (Фадеев 1998: 148); *Матвейколӧн теиша бур морт вӧлӧм, а бурсӧ и касьтылӧны буга: эта дорын мужиккет джын лунсӧ путиӧтисӧ* 'Теща у Матвея хорошим человеком была, а хорошего человека и вспоминают хорошим: за этим мужики полдня провели' (Климов 1992: 162); б) перед суффиксами аккузатива -тӧ, -сӧ: *Юссезлӧн орсӧмыс дзик кынтас тӧнӧ аслат местаӧ, домалас ас бердас синнэтӧ* 'Игра лебедей заставляет тебя застыть на месте, приковывает твой взгляд к себе' (Фадеев 1998: 170); *Ся кадӧ кыйны аслыс нинкӧммесӧ Митя эшӧ эз куж* 'В это время плести себе лапти Митя еще не умел' (Фадеев 1998: 65); *Там морт, висьтав, кытиӧмӧсь ме тиаккесӧ ӧкти* 'Молодой человек, скажи, какие я грибы собрала' (Баталов 1992: 93).

Таким образом, для коми-пермяцкого литературного языка так же характерно наличие вариантов суффикса множественного числа. Как отмечает Г. В. Федунева, "вариативность является существенным свойством языка, всех его уровней, структур, единиц, а также необходимым условием существования языка, обеспечивающим его функционирование на данном этапе и дальнейшую эволюцию. Ее следует рассматривать как результат и как следствие постоянного эволюционного развития языка, и, вместе с тем, как объективную форму его существования" [Федунева 2000: 3].

Список литературы

- Баталов В. Я. Зэр одзын. Кудымкар: Коми-Пермяцкӧй кн. изд-во, 1990.
- Баталов В. Я. Одззаса пантасьӧммез // *Иньва*, 1992. С. 89–97.
- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975.
- Баталова Р. М. Арсальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982.
- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990.
- Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология). Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.
- Климов В. В. Юкмӧс дорын // *Иньва*, 1992. С. 161–163.
- Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Лыткин В. И. К происхождению суффикса множественного числа -jos в удмуртском языке // *На удмуртские темы 2*. М., 1931.
- КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962.
- Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.

Минин И. А. Посок // Пармаэзлбн шыгэз: Бӱрйбм коми-пермяцкӱй проза. Кудымкар: Коми-Пермяцкӱй кн. изд-во, 1997. С. 106–109.

Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Рогов Н. Опыт грамматики пермяцкого языка. С. Петербург, 1860.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Фадеев Т. П. Лолалан шор. Кудымкар: Коми-Пермяцкӱй кн. изд-во, 1998.

Федюнева Г. В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке. Сыктывкар, 2000.